

R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.) Changing valency. Case studies in transitivity. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 413 p.

Рецензируемая книга, посвященная типологии актантной деривации (*valency changing derivation*), составлена известным специалистом в области современной синтаксической

типологии Робертом Диксоном в соавторстве с русским типологом и специалистом по амазонским языкам Александрой Айхенвальд (ныне живет и работает в Австралии).

Эту область типологии грамматики можно по праву назвать одной из наиболее подвижных. На данный момент можно уверенно говорить о сосуществовании нескольких принципиально различных концепций актантной деривации и залоговых преобразований. Одним из преимуществ рассматриваемого сборника является то, что практически все работы имеют в основе единый теоретический фундамент.

Книга состоит из двенадцати глав. В первой главе – введении – изложен принятый в сборнике подход к описанию актантной деривации. Вторая глава представляет собой обзор типологии каузативов. Девять глав посвящены описанию актантной деривации в отдельных языках, а именно в киче (майя, Гватемала), крик (мускоги), тариана (аравакский, Бразилия), раванг (сино-тибетский), центральный юпик (эскимосско-алеутский), нгангитъемерри (дейли, Австралия), амхарский (эфиосемитский), мотуна (восточнопапуасский). Еще одна глава посвящена сравнительному анализу залога и актантной деривации в языках атапаскской семьи.

Разработанная Р. Диксоном и А.Ю. Айхенвальд и изложенная ими в первой главе книги концепция представляет собой развитие идей из их же совместной статьи [Dixon, Aikhenvald 1997]. В основе подхода лежит различие ядерных и периферийных аргументов (*core vs peripheral arguments*) по признаку обязательности (*may vs. may not be omitted*) и опирающееся на это различие определение (не)переходности (*transitive vs. intransitive clauses*). Предикация с единственным ядерным аргументом (S) называется *непереходной*, предикация с двумя ядерными аргументами (A и O) – *переходной*. Следует иметь в виду, что S, A и O – это морфосинтаксические понятия, т.е. наборы морфологических и синтаксических свойств аргумента, а не семантические роли. В связи с этим Диксон и Айхенвальд допускают (как кажется, с некоторым усилием над собой) возможность существования языков без противопоставления переходных и *непереходных транзитивных*, ссылаясь на данные Мартина по языку крик (глава 12, см. также ниже). Допускается также наличие еще одного специального синтаксического статуса (*E – extension of the core*), такой аргумент часто кодируется дативом. Глаголы с аргументом E получают ярлык **extended intransitive** (экспериментальные глаголы во многих языках) и **extended transitive** (например, глагол 'дать'). Насколько можно судить, по мнению авторов, E занимает позицию, промежуточную между ядерными и периферийными аргументами предиката.

Актантная деривация определяется как изменение признака *переходность/непереходность* путем добавления или удаления ядерного аргумента. Различаются *повышающая деривация (valency-increasing)*, делающая *непереходный предикат переходным* (появление S или A либо переход периферийного аргумента в S или A) и *понижающая деривация (valency-decreasing)*, имеющая обратный эффект (элиминация S или A либо переход S или A в периферийный аргумент). Актантные деривации, имеющие иные последствия, например, каузатив от уже переходного предиката или опущение S *непереходного предиката* ("имперсональный пассив") считаются вторичными. Действительно, если в языке вообще есть каузативная деривация, то она может применяться к *непереходным* и не применяться к *переходным* глаголам, в то время как обратное невозможно.

Обсуждается третий тип операции с аргументами предиката – *интерпретирующая (valency-rearranging) деривация*, при которой число ядерных аргументов сохраняется, но меняются их семантические роли. Можно заметить, что понимание интерпретирующей деривации, например, в [Плунгян 2000] не совпадает с пониманием, принятым авторами сборника. Связано это с тем, что определение Диксона и Айхенвальд, оперируя с S, A и O, подразумевают синтаксические, а не семантические сущности. В [Плунгян 2000] рефлексив отнесен к интерпретирующей актантной деривации, так как агент совпал с пациентом. Для Диксона и Айхенвальд это – *понижающая деривация*, так как глагол утрачивает прямое дополнение.

Универсально выделяются следующие преобразования валентности:

- а) *понижающая деривация: пассив* (прототипический, безагентивный или декаузатив), **антипассив** (прототипический или беспациентивный), **рефлексив**, **реципрок**.
- б) *повышающая деривация: каузатив, аппликатив*.

Каждому из этих преобразований дано определение. В качестве примера приведем определение пассива: Пассив (с. 7).

Данная деривация применяется к переходной предикации и порождает производную *непереходную предикацию*:

– Исходное O становится S.

– В языках с различием агентивных и неагентивных S (т.е. в языках активного строя, или, в терминах Диксона и Айхенвальд, в языках со Split-S) O становится агентивным S.

– Исходный А уходит на периферию. Он может быть опущен, хотя (в прототипическом пассиве) всегда есть возможность включения его в предикацию.

– Пассивная конструкция формально маркируется, обычно глагольным аффиксом или перифрастической глагольной конструкцией.

Далее составители сборника говорят о возможных отклонениях от прототипического пассива в зависимости от поведения А в производной конструкции. Выделяются

а) **прототипический пассив**: А – периферийный аргумент, который может быть не выражен, а может быть выражен

б) **безагентивный пассив**: участник А подразумевается, но не может быть выражен

с) **антикаузатив**: участник А не подразумевается

Диксон и Айхенвальд отмечают отсутствие общепринятого понимания термина **middle** (медий или средний залог). Даже в рецензируемом сборнике наблюдается заметный разрыв – авторы различных статей называют медием пассив, рефлексив, антикаузатив и др. Оказывается, что медий может обозначать практически любую деривацию, понижающую валентность. Авторы предлагают либо вернуться к исходному толкованию данной категории, соответствующему греческому *медию* (действие, направленное на себя или осуществляемое в собственных интересах), либо вообще отказаться от употребления этого термина.

Вступительная статья в краткой и "свободной от теории" (theory-free) форме излагает формальную систематику актантных дериваций. Это позволяет авторам других глав эффективно использовать ее в качестве каркаса при описании актантных дериваций в конкретных языках. Но это же определяет и отсутствие во введении заметных теоретических прорывов; авторы скорее формулируют теоретические проблемы, чем предлагают ответы на них. Впрочем, статья содержит ряд важных наблюдений.

Таково, например, замечание о "валентной нестабильности" глаголов, занимающих на типологической шкале транзитивности среднее положение, т.е. далеких как от прототипически переходных, так и от прототипически непереходных (с. 20). Диксон и Айхенвальд указывают, что если основа такого глагола непереходна, то она оказывается деривационно склонна к переходности (например, может присоединять и статистически часто присоединяет показатель аппликатива).

Если же основа такого глагола переходна, то она оказывается деривационно склонна к понижению транзитивности (к антипассивизации). Иными словами, у таких глаголов часто имеется морфологически производный "двойник", имеющий противоположное значение признака (не)переходности.

Позволим себе остановиться еще на одной очень содержательной дискуссии. Возражая типологам, предлагающим видеть в любой актантной деривации в первую очередь семантический феномен, авторы введения выступают за комплексный подход, рассматривающий актантную деривацию одновременно с трех точек зрения: семантической, синтаксической и дискурсивно-прагматической. Каузативы, например, имеют отчетливую семантическую нагрузку, но даже каузативы изредка используются в синтаксических целях (ссылки на данные из тариана, чеченского и ингушского и языков помо, с. 17). Напротив, во многих языках пассив играет отчетливо синтаксическую роль; при этом нельзя отрицать типологическую связь пассива со значением результирующего состояния. Таким образом, определенная актантная деривация в конкретном языке может быть более или менее семантической, синтаксической или прагматической, но в любом случае эти компоненты связаны между собой. Так, указывают Диксон и Айхенвальд, значение каузатива предполагает появление дополнительного аргумента, т.е. изменение семантики вызывает определенный синтаксический эффект. Нам не удалось найти в статье обратный пример – синтаксическую деривацию, семантический эффект которой вторичен. Позволим себе предположить, что в качестве такого примера можно было бы использовать русское *-ся*. Его инвариантной функцией является, по-видимому, понижение транзитивности; при этом употребление с различными классами предикатов приводит к самым разным семантическим эффектам, покрывающим пассив (*воспитываться*), антипассив (*кушаться*), рефлексив (*мыться*), реципрок (*целоваться*), антикаузатив (*взрываться*), т.е. все выделенные Диксоном и Айхенвальд типы понижающих дериваций.

При этом авторы говорят о том, что одни деривации с типологической точки зрения являются преимущественно синтаксическими (например, пассив), а другие – преимущественно семантическими (например, каузатив). В целом нельзя не признать такую модель привлекательной; заметим, однако, что при многофакторном подходе остается во вполне ясным, что вообще объединяет такие явления, как, например, семантически моти-

вированный каузатив и синтаксически мотивированный пассив, в типологически однородную категорию актантной деривации – что, кроме возможности единообразно формализовать сопутствующие этим деривациям синтаксические преобразования?

В конце вводной статьи Диксон и Айхенвальд перечисляют те теоретические проблемы в области актантной деривации, которыми, с их точки зрения, до сих пор уделялось недостаточно внимания и которые в будущем должны быть подробно исследованы (с. 25–27). В проблемный список Диксона и Айхенвальд попали: диахрония, грамматикализация и лексикализация показателей актантной деривации; типология аппликативов; типология комбинирования деривационных показателей; изучение взаимодействия между граммемами актантной деривации и другими категориями глагола; комплексное исследование семантических, синтаксических и дискурсивно-прагматических аспектов актантной деривации. От себя мы бы добавили сюда типологию лабильности, которая, хотя и не является, строго говоря, примером актантной деривации, несомненно связана с типологией последней самым тесным образом. Диксон и Айхенвальд также пишут о недостаточной изученности связи между деривационными процессами и определенными семантическими параметрами и связи актантной деривации с синтаксическими операциями типа инкорпорации. Кроме того, необходимо сравнительно-типологическое исследование роли категории переходности/непереходности в конкретных языках и ее связи с количеством лабильных глаголов.

Ниже мы кратко обсудим каждую из глав сборника.

За исключением введения, единственной общетеоретической статьей является глава II о типологии каузативов, написанная Диксоном. Опираясь на данное во введении определение каузатива, автор последовательно рассматривает формальные механизмы образования, синтактику и семантику каузативной конструкции. Выделяются следующие способы образования каузативов:

1. Морфологические процессы:
 - a) чередования (напр., литовский)
 - b) удвоение согласной (напр., арабский)
 - c) удлинение гласной (напр., кашмири)
 - d) изменение тона (напр., лаху)
 - e) префиксация (напр., амхарский)
 - f) суффиксация (напр., киче)
 - g) пиркумфиксация (напр., грузинский);

2. Серийная конструкция: два глагола в одной предикации (напр., французский)

3. Перифрастическая конструкция: два глагола в разных предикациях (напр., персидский)

4. Лексические каузативы (напр., дирбал)

5. Мена вспомогательных глаголов (нгангытьемерри, см. ниже).

Первые четыре механизма достаточно широко распространены. Их Диксон помещает на "шкале компактности" (" $>$ " = 'более компактный, чем'): лексические каузативы $>$ морфологические каузативы $>$ серийная конструкция $>$ перифраза. Большая или меньшая компактность средства коррелирует с девятью семантическими параметрами выбора одного способа образования каузатива из нескольких существующих в языке. Эти четко сформулированные параметры представляются с типологической точки зрения одной из самых сильных сторон этого исследования:

1. Глагол: стивный/нестивный,
2. Глагол: переходный/непереходный,
3. Каузируемый участник: контролирует/не контролирует ситуацию,
4. Каузируемый участник: действует по своей воле/против своей воли,
5. Каузируемый участник: частично/полностью затронут ситуацией,
6. Каузатор: действует непосредственно/опосредованно,
7. Каузатор: действует намеренно/не намеренно,
8. Каузатор: естественный/неестественный.
9. Каузатор: вовлечен/не вовлечен в действие.

Что касается имени, то здесь автор выделяет пять типов поведения аргументов:

1. Каузируемый участник маркируется специальным образом.
2. И каузатор, и каузируемый участник маркируются как A.
3. Каузируемый участник становится новым O, а исходное O маркируется как периферийный аргумент.
4. Исходное O полностью сохраняет свои свойства, а каузируемый участник маркируется как периферийный аргумент.

Глава III, написанная М. Митун, посвящена весьма развитой системе актантной деривации в языке центральный юпик. Значительное место уделено описанию дистрибуции показателей по глагольным классам (каковых выделяется четыре: переходные, непереходные, лабильные пациентивные и агентивные глаголы), а также связи актантной деривации с лексической семантикой глагола.

В языке мотуна (глава IV, М. Ониси) залоговое различие между активом и медиумом

(этот термин используется автором для обозначения диатезы, соответствующей *extended intransitive* в терминах Диксона и Айхенвальд) выражается двумя разными сериями лично-числовых показателей. Отметим, что среди описанных актантных дериваций (все-го их пять) есть одна интерпретирующая деривация – кажется, единственный случай на весь сборник. Это *стимулятив* (частный случай аппликатива). Стимулятив затрагивает аргумент S – занимающий эту позицию экспериенцер заменяется на стимул. Например, экспериенциальный глагол *ni'r* 'быть удивленным' после прибавления стимулятивного суффикса принимает значение 'удивлять'.

Глава V, написанная А.Ю. Айхенвальд, посвящена аравакскому языку тариана. Детально рассмотрены повышающая и понижающая актантная деривация. Особый интерес представляет описание каузативной конструкции. В языке представлено три стратегии образования каузативов (аффиксация, перифраза, сериальная конструкция). Автор подробно анализирует факторы, влияющие на выбор той или иной стратегии. Любопытно также, что аффикс, участвующий в образовании каузативов непереходных глаголов, при лабильных глаголах маркирует их переходность и указывает на обязательность выражения периферийного актанта – адресата, места, цели или инструмента.

К. Райс – автор главы VI – исследует актантную деривацию в атапаскских языках. Рассматриваются два аффикса, кодирующих соответственно повышающую и понижающую деривацию: сопоставляются их значения в отдельных языках семьи. Особое внимание автор уделяет связи категорий актантной деривации с аспектом и, в частности, распределению деривационных показателей по акциональным классам глаголов.

В главе VII описаны актантные деривации в языке киче. Автор, Л. Кэмпбелл формулирует выбор того или иного преобразования в терминах фокуса (*action focus*, *O focus*, *agent focus*, *focus on result*), что, кажется, сближает ее видение проблемы со взглядами автора XII главы, о которых будет сказано ниже. Исследование Кэмпбелл также содержит элементы сравнительного анализа с другими языками семьи майя.

В отличие от других сино-тибетских языков, в языке раванг (глава VIII, Р. Ла-Полла) кодирование переходности/непереходности осуществляется грамматически релевантным. Описывается шесть средств повышения валентности и два средства ее понижения. Большое внимание уделено взаимодействию и вза-

имовлиянию между различными показателями актантной деривации.

В амхарском языке, которому посвящена глава IX, также обнаруживается сложная система актантных дериваций и классов транзитивности. Для автора, М. Амбербера, оказывается существенным противопоставление актантной деривации (*valency-changing devices*) и "кодирования валентности" (*valency-encoding*). Второе имеет отношение к "связанным" глаголам (*bound verbs*), то есть таким, которые не существуют в языке без деривационных аффиксов, например, есть глаголы *ta-dassata* 'быть счастливым', *as-dassata* 'осчастливить', но беспрефиксального глагола **dassata* не существует. Актантная деривация и кодирование валентности могут выражаться разными средствами.

Необычная ситуация наблюдается в языке нгангитьерри (глава X, автор Н. Рейд), где основные средства кодирования и изменения валентности глагола не являются деривационными в собственном смысле слова. В языке представлена система сочетаний основных и вспомогательных глаголов. В главе II, приводя пример на образование каузатива меной вспомогательного глагола, Диксон пользуется материалом именно нгангитьерри. Как и во многих других языках, ведущую роль в сочетаниях основного и вспомогательного глагола играет признак переходности/непереходности. Различные комбинации переходных или непереходных финитных глаголов с переходными или непереходными вспомогательными являются эквивалентом актантной деривации. Так, в нгангитьерри нейтральным является сочетание непереходного основного и непереходного вспомогательного глаголов, а при изменении признака вспомогательного глагола на "переходный" конструкция становится каузативной.

Написанная Б. Комри глава XI посвящена цезскому языку. Именно Комри в 1985 г. предложил в свое время термины *valency increasing/decreasing derivation* [Comrie 1985]. Дагестанские языки известны слабой развитостью систем актантной деривации. Действительно, Комри констатирует, что единственной актантной деривацией в цезском является каузатив. Автор выявляет "привилегированные" именные группы цезского языка, то есть такие именные группы, которые являются контролерами или мишенями синтаксических преобразований. Рассматривается поведение именных групп в разных синтаксических конструкциях в свете порядка слов, опущения кореферентной именной группы и рефлексивизации. Выявленные закономерности позволяют говорить о том, что даже в языках типа

цезского есть средства (прежде всего, синтаксические) для придания определенным аргументам большего или меньшего веса, то есть средства сродни актантной деривации.

Как уже говорилось, почти все главы сборника написаны в рамках подхода, предложенного Диксоном и Айхенвальд в первой главе сборника. Раздел Дж. Мартина "Creek voice: beyond valency" (гл. XII) является в какой-то степени исключением. Автор предлагает самостоятельную интерпретацию явлений, традиционно рассматриваемых как залоговые преобразования и актантная деривация.

Подкрепляя свои слова примерами из языка крик, Мартин пишет о неуниверсальности категорий персходность/неперсходность и, как следствие, неприложимости базовых понятий концепции Диксона-Айхенвальд для исследования этого языка. Мартин пишет, что химическая метафора "валентность" если не исчерпала себя, то во всяком случае не может больше оставаться отправной точкой в исследованиях залоговых преобразований.

Мартин совершенно определенно выступает за признание примата семантики в описании актантных дериваций; синтаксические эффекты оказываются лишь последствиями семантических сдвигов. Он обращается к традиции, которая строго разграничивает категорию переходности/неперсходности и категорию залога. Цитируя О. Есперсена, Мартин пишет, что пассивный и средний залогом следует рассматривать как явления, изменяющие "точку зрения" и "центр интереса".

Для Мартина первичным оказывается изменение перспективы, в которой рассматривается событие. Например, медий в языке крик предлагается описывать как залог, кодирующий переход от причины (немаркированная перспектива) к следствию (маркированная перспектива). В сущности, он не предлага-

ет ничего революционно нового, говоря, что во многом развивает концепцию залога, предложенную Крофтом [Croft 1994]. Статья Мартина наглядно демонстрирует, что активизировавшиеся в последнее время попытки исследователей сформулировать универсальную и непротиворечивую теорию актантной деривации далеко не исчерпали себя; многие важные проблемы еще ждут своего разрешения.

Как показывает пример настоящего сборника, формальный аппарат, предложенный Диксоном и Айхенвальд, позволяет довольно успешно описывать и систематизировать обширный материал. Хочется в этой связи заметить, что, несмотря на все нарастающий объем литературы, посвященной данной проблематике, разнообразие актантной деривации в языках мира до сих пор мало изучено. Рецензируемая книга может стать важным подспорьем при заполнении этой дескриптивной лакуны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Comrie 1985 – *В. Comrie*. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // Shopen (ed.) Language typology and syntactic description. Cambridge, 1985.
- Croft 1994 – *W. Croft*. Voice: beyond control and affectedness // В. Fox, P.J. Hopper (eds.) Voice: form and function. Amsterdam, 1994.
- Dixon, Aikhenvald 1997 – *R. Dixon, A. Aikhenvald*. A typology of argument-determined constructions // Bybee et al. (eds.) Essays on language function and language type. Amsterdam, 1997.